

Окраинная дорога за пределами Инчуани вилась в утреннем тумане начала осени, словно спящий серо-белый питон, полускрытый в кольцах которого виднелись очертания знаменитого города. Цзян И резко натянул поводья. Его изнуренный конь издал жалобное ржание, взметнул передние копыта и с тяжелым стуком опустил их обратно, раздробив крупные капли росы на придорожной траве.

— Наконец-то доехали, — он глубоко и протяжно выдохнул. В прохладном воздухе его дыхание превратилось в короткое белесое облачко, которое тут же поглотила серая утренняя дымка. Взгляд Цзян И пронзил полупрозрачную пелену, намертво вцепившись в неясный, массивный силуэт городских стен. Казалось, вместе с этим выдохом с его плеч на время свалился груз месяца скитаний, полных опасностей и хождения по краю лезвия.

Позади него чья-то белая рука приоткрыла полог скромной повозки. Показалось лицо Цай Янь, заметно похудевшее, но глаза ее по-прежнему сияли поразительным светом, словно звезды, с которых осторожно смахнули пыль.

— Господин Цзян, — ее голос, охрипший после долгого пути, все же звучал чисто и звонко, — Академия Инчуань находится к западу от города.

Цзян И кивнул, не отрывая взгляда от стен. Академия Инчуань — имя, сияющее в пыли веков, теперь было зримо впечатано в землю под его ногами. Мудрость Сыма Хуэя, эрудиция Сюнь Шуана, еще не проявившие себя молодые дарования вроде Го Цзя и Сюнь Юя... Бесчисленные невидимые нити, казалось, тянулись из глубин академии, сплетаясь вокруг судеб всей эпохи. Он ощутил странное головокружение: приливы истории безмолвно омывали его, чужака, оказавшегося здесь по воле случая.

— Каковы ваши планы, госпожа Цай? — Цзян И развернул коня к повозке. — Не хотите ли взглянуть на академию вместе со мной?

Взгляд Цай Янь скользнул мимо плеча Цзян И к проясняющимся в тумане городским воротам, зев которых напоминал глотку чудовища. В ее глазах на мгновение промелькнул скрытый страх, тут же сменившийся решительной отстраненностью. Она слегка покачала головой, и в этом движении проступила присущая аристократкам сдержанность:

— Я... хочу сначала войти в город, чтобы разузнать вести об отце. Если господин Цзян не против, мы могли бы встретиться в гостинице Юэлай.

Цзян И мгновенно понял ее опасения. Академия — место, где собираются ученые мужи для обсуждения судеб Поднебесной. Она, благородная девица, чье положение было весьма щекотливым, никак не могла войти в этот мужской мир. Не раздумывая, он сунул руку за пазуху и достал тяжелый льняной кошель, пропитавшийся теплом его тела и потом.

— Возьми это, — он решительно вложил кошель в руку девушки, которая потянулась к нему машинально. — Времена сейчас беспокойные, лишняя подготовка не помешает.

Их пальцы соприкоснулись: ее прохладная кожа против его мозолистых подушечек.

Цай Янь чуть сжала пальцы, обхватив кошель, еще хранивший его тепло. Казалось, у нее на языке вертелось множество слов, но в итоге она лишь глубоко поклонилась:

— Благодарю вас, господин Цзян.

Скупой утренний свет пробился сквозь туман, окрасив ее бледные щеки в нежно-розовый цвет, словно ранние цветы сливы, внезапно распустившиеся на снегу.

— Берегите себя, господин Цзян.

Повозка закрипела, унося хрупкий силуэт к молчаливым воротам, и вскоре растворилась в потоке людей, оставив после себя лишь зависшую в сыром воздухе пыль. Цзян И постоял на месте, пока тревога за нее не утихла, а затем, резко дернув поводья, направил коня на запад.

Серо-голубые кирпичные стены, темно-зеленая черепица, каскады дворики — все это в утреннем тумане казалось простым и торжественным, лишенным всякой мишуры. Это и была Академия Инчуань. Высокие древние кипарисы с узловатыми ветвями стояли повсюду, словно безмолвные стражи, а их густая листва почти полностью закрывала небо, пропуская лишь тонкие лучи света. Несмотря на ранний час, в воздухе уже витал особый аромат — свежая тушь, легкая затхлость старинных бамбуковых свитков, гарь сосновой сажки и незримая энергия, исходящая от столкновения молодых умов. Из разных павильонов доносилось чтение вслух: гул голосов сплетался в живой фон — то чеканные фразы из Лунь Юя, то глубокий смысл Чуньцю, то решительные стратегии Сунь-цзы.

Едва Цзян И переступил порог, чьи каменные плиты еще хранили ночную влагу, как за спиной раздался чистый, звонкий голос, исполненный характерной для инчуаньских ученых бодрости:

— Лицо брата мне незнакомо. Вы пришли учиться?

Он обернулся. Утренний луч пробился сквозь хвою и упал на юношу. Ему было около двадцати лет, статный, как молодая сосна, с ясными бровями и живым взглядом. На нем был выцветший синий халат конфуцианца, но на поясе, ничуть не выбиваясь из образа, висел меч с сильно потертой оплеткой рукояти, выдававшей в хозяине не просто кабинетного ученого. Утонченность и воинская доблесть удивительным образом сочетались в нем, словно рядом с раскрытым свитком лежал клинок, готовый в любой момент покинуть ножны.

— Я Цзян И, только прибыл в Инчуань, пришел посетить академию, — Цзян И подавил волнение, вызванное этой необычной аурой, и сложил руки в приветственном жесте.

Юноша рассмеялся, и ответный жест его был четким и уверенным:

— Сюй Шу, по прозвищу Юаньчжи.

Его ясные глаза с нескрываемым любопытством окинули дорожный наряд Цзян И.

— Судя по акценту, брат Цзян... не из Центральных равнин?

— У Сюй Шу отличный слух, — ответил Цзян И, стараясь не выдать потрясения. Перед ним стоял будущий великий стратег, чья преданность и ум, воспетая фразой «телом в лагере Цао, сердцем в Хань», навсегда войдут в историю! Собравшись с мыслями, он спокойно продолжил: — Слышал, что Инчуань — центр мудрости Поднебесной. Вижу, что Сюй Шу — достойный его представитель.

Сюй Шу снова рассмеялся:

— Вы слишком добры! Раз встретились — значит, судьба. Идемте, как раз сегодня здесь двое моих друзей, я вас представлю!

Он жестом пригласил Цзян И пройти через украшенные ворота, мимо лекционных залов, к более уединенному дворику. Там, за каменным столом, сидели двое. Один был полностью поглощен чтением бамбуковых свитков, другой — партией в го. Последний держал белую фишку, нахмутив брови, и казался погруженным в медитацию.

— Чжицай, Вэньхэ, у нас гость! — голос Сюй Шу нарушил покой.

Читающий поднял голову. Лицо его было болезненно бледным, скулы выступали, глаза ввалились, но взгляд... взгляд был пронзительным, словно два синих огня, горящих в холодную ночь. Цзян И снова вздрогнул. Чжицай! Если Сюй Шу так его называет, то это не кто иной, как гениальный стратег Си Чжун, сыгравший ключевую роль в ранних успехах Цао Цао!

— Это господин Цзян И, — представил его Сюй Шу, а затем указал на второго: — А это Цзя Сюй, по прозвищу Вэньхэ.

Цзя Сюй! Цзян И почувствовал, как холод пробежал по спине. Тот самый коварный «ядовитый стратег», чьи расчеты не знали промаха! История сделала крутой вираж, столкнув его с этими людьми так внезапно.

Цзя Сюй медленно опустил белую фишку на доску. Его лицо оставалось бесстрастным, но глаза, глубокие, как омут, уставились на Цзян И.

— Господин Цзян, — голос его был сухим, как трение наждачной бумаги, — откуда вы прибыли?

— Из Ичжоу, — ответил Цзян И, тщательно подбирая слова.

— Ичжоу? — глаза Си Чжуна вспыхнули интересом. — Земли за морем! Говорят, там люди ходят с распущенными волосами и татуировками? Расскажите нам!

Цзян И, вспомнив свои знания об аборигенах, начал описывать быт, намеренно подчеркивая дикость, чтобы объяснить свою инаковость.

— Интересно! — Си Чжун хлопнул себя по колену. — Зачем же вы проделали такой путь? Просто посмотреть на хаос?

— Учиться и искать друзей, — спокойно ответил Цзян И. — В смутные времена герои проявляют себя ярче всего.

— Времена сейчас страшные, Желтые повязки бушуют, — подал голос Цзя Сюй, перебирая черную фишку, словно ядовитый клинок. — У господина Цзян немало смелости, раз он решился на такое путешествие.

— Герои рождаются в смуту, как и мудрецы, — парировал Цзян И. — Разве вы трое не сидите здесь, наблюдая за миром? Тот, кто держит в руках стратегию, везде найдет свою доску для игры.

Сюй Шу расхохотался, разряжая обстановку, и разлил чай.

— В Чэньго и Жуйнани Боцай снова собирает беженцев, — Си Чжун указал на стол, словно на карту. — Генерал Хуанфу Сун победил, но Боцай хитер. Армия голодает, чиновники воруют, солдаты ропщут. Если так пойдет дальше, бунта не миновать!

Сюй Шу сжал рукоять меча:

— Корень зла в беженцах! Земли захвачены богачами, народ лишился крова. Куда им еще идти, кроме как за повстанцами?

Цзя Сюй, до этого молчавший, медленно произнес:

— Основы сгнили. Дворец занят лишь борьбой за власть. Подавление восстания для них — лишь ступенька к новым должностям.

Цзян И, до этого слушавший, поставил чашку на стол.

— Все дело в сердцах народа, — сказал он. — Когда люди голодают, лозунг Желтых повязок

становится их единственной надеждой. Это не глупость, это отчаяние. Если не накормить народ, на место одного Боцая придут десять других.

Цзя Сюй поднял взгляд:

— И как, по-вашему, это исправить?

Цзян И выдержал паузу.

— Краткосрочно — помощь голодающим, раздача зерна. Среднесрочно — военные поселения: освоение пустошей, чтобы накормить армию и дать работу беженцам. Долгосрочно — реформа системы, ограничение appetites богатых кланов и наведение порядка в управлении.

Си Чжун пришел в восторг:

— Краткосрочно, среднесрочно, долгосрочно! Гениально!

Сюй Шу кивнул:

— Это настоящий план, а не пустые слова!

Лишь Цзя Сюй молчал, крутя в пальцах черную фишку. Наконец он произнес:

— Ваши слова верны, но чтобы их исполнить, нужна власть, которой нет. Богачи, которые правят всем, никогда не отдадут свое. Вы предлагаете лечить болезнь, которая уже убила больного.

Он посмотрел на Цзян И с какой-то странной жалостью:

— Великая династия рушится. Желтые повязки — лишь кожная болезнь. Настоящий хаос только начинается.

Цзя Сюй снова посмотрел на Цзян И, и на его губах появилась едва заметная, загадочная улыбка:

— Вы умны, господин Цзян. Может, останетесь в Инчуани и понаблюдаете за этой партией вместе с нами?

Остаться? Наблюдать за игрой вместе с этими будущими вершителями судеб? Вблизи следить за тем, как проворачиваются жернова истории? Сердце Цзян И отчаянно забилося: огромный соблазн и предчувствие глубокой опасности одновременно завладели им. Академия Инчуань,

этот оазис знаний посреди охваченного смутой мира, несомненно, была самым безопасным пристанищем и в то же время идеальным местом, чтобы заглянуть в самое сердце эпохи. Однако Цай Янь всё ещё оставалась в городской гостинице! Он вывел её из эпицентра эпидемии, спас от погони и дал обещание оберегать её покой.

<http://bllate.org/book/18471/1771457>